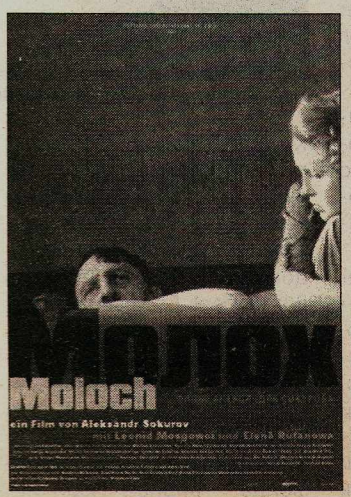
Сокуров А. 5.10.2000

«Молох» Россия. – 2000. – 5 окт. – с. 12.
Режиссер: Александр Сокуров
1999

Один день из жизни Адольфа Гитлера (Леонид Мозговой, сыгравший Антона Чехова в другом фильме А. Сокурова «Камень»). Приезжает Йозеф Геббельс с женой и тут же устраивает перебранку с Борманом. Обед. Выезд на пикник. Жалкая, непристойная игра Адольфа с Евой Браун (Елена Руфанова). Герои, скорее, походят на компанию старомодных бюргеров, отправившихся на экскурсию в Альпы. В то же время смутность убогих нечетких сцен частной жизни создает ощущение присутствия чудовищно громадной тени, расположенной где-то на втором плане, – древнего Молоха, покрывающего всех своим непомерным величием. Кажется, что Сокуров использует традиционную схему демифологизации вождей, обытовления героев. За стальными плитами по ту сторону бронированной поверхности танков и подводных лодок ютятся такие мягкие, такие уязвимые, улиткоподобные тела деспотов, которые неизбежно превращаются в последнюю мишень их собственной репрессивной политики.

Персонажи фильма говорят по-немецки. Сам режиссер поясняет, что, заставив актеров заучивать немецкий текст, он достиг сразу двух целей: во-первых, создал необходимую дистанцию отстранения, а во-вторых, преодолел ироничность авторской интонации в литературном сценарии Юрия Арабова, который, кстати, получил за него приз на Каннском фестивале 1999 года. Избавившись от иронии, Сокуров реставрировал духовную вертикаль, присущую культуре Третьего рейха. Вуайорская эстетика «Молоха» опирается на гипнотическую силу, свойственную тоталитарному стилю. Тело мнительного, страдающего некрофилией, страхом перед нечистотами, ужасом перед заражением вождя теряет влагу, которая превращается в пар, в готовый подняться и рассеяться туман – в мираж абсолютной власти. Апокалиптический тон усиливает ощущение обреченности, меланхолическая агония реальности зла подчеркнута черной униформой охраняющих замок офицеров гестапо, которая становится знаком «небесного» траура. Характерная для Сокурова мертвенная эстетика, построенная с помощью гипнотических перспектив, расходящихся вширь и вдаль, как бы вознесенных над землей, создает эффект какой-то сакральной зачарованности, говорящей, что его фильм – нечто большее, чем обычное кино. Мифология «Молоха» выстроена таким образом, как будто возможен «истинный взгляд изнутри», подлинно фашистский анализ фашизма.